

Ольга Бредникова, Ольга Ткач

«Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах)

«Мусорные общества»

Социальную жизнь конституируют не только отношения людей между собой. Согласно Бруно Латуру, в социальный порядок активно вписаны еще и вещи, или «нечеловечки» [Латур 2004: 5], которые даже «могут рассматриваться как акторы (активные участники) социального действия» [Гладарев 2006: 99]. Мусор — условно говоря, «бывшие вещи» — точно так же обладает свойством быть активным и влиять на жизнь человека. Наиболее явное свидетельство тому — язык, сопровождающий, обслуживающий феномен мусора. Так, в публичной дискуссии, пожалуй, наиболее устойчивым выражением является *борьба с мусором*. Таким образом, мусор не просто активный участник нашей жизни, но мы регулярно вступаем с ним в «состояние войны», и точно нельзя сказать, на чьей стороне в определенный момент времени будет перевес сил...

**Ольга Евгеньевна
Бредникова**
Центр независимых
социологических исследований,
Санкт-Петербург

**Ольга Александровна
Ткач**
Центр независимых
социологических исследований,
Санкт-Петербург

Тема мусора в общественной дискуссии отнюдь не периферийна, и, как правило, о нем говорят и пишут как об экологической проблеме или, используя алармистские термины, как «экологической катастрофе». В повседневности же «борьба с мусором» есть лишь рутинная и обыденная практика, и, если не нарушен привычный ход вещей, она не замечается и не рефлексивируется. Как ответила жительница одной из деревень Псковской области на заумный вопрос социолога о проблемах мусора и экологии в деревне, «экология — это далеко. У нас тут нет никакой экологии»¹.

Центральная задача данной статьи — сделать «невидимое видимым», затронуть не проблематизированную, не замечаемую в повседневной жизни и не слишком популярную для социального исследования тему обращения с мусором. В изучении социальных общностей, жизненных миров и идентичностей «символы осквернения так же необходимы, как использование черного цвета для контура любого рисунка» [Дуглас 2000: 261]. Не претендуя на прорисовку четкого контура, мы, тем не менее, намечаем некоторые исследовательские направления анализа мусора как социального феномена. В фокусе нашего исследования — «мусорные» практики, которые представляют собой «фоновое (неэксплицированное) знание и умение» [Волков 1997: 30–31], искусство решения практических задач по рутинному, ежедневному «управлению» мусором.

Здесь под мусором мы будем понимать отбросы, отходы [Современный толковый словарь 2001: 364], то, от чего человек пытается оградиться, избавиться, удалить и исключить из поля своего зрения и обоняния. При этом мусор — специфический объект культуры, и «мусор одной культуры может восприниматься другой культурой как не мусор» [Кулиев 2002: 163]. В качестве иллюстрации к данному тезису приведем случай из нашей исследовательской практики. Несколько лет назад группа социологов в течение месяца проводила исследование в краснодарской станице. Исследователи, следуя традициям этнографической методологии, жили «по квартирам» и изредка встречались для совместных дискуссий. В какой-то момент к зданию клуба, где проходили семинары, практически все участники проекта стали приходить из дома (!) со своими мусорными пакетиками, ибо лишь там была расположена единственная

¹ В статье используются материалы исследовательских проектов, выполненных сотрудниками ЦНСИ: «Вдали от городов: жизнь восточно-европейского села. Деревенские жизненные миры в России, Эстонии и Болгарии» (2002–2005); «Экономические стратегии адаптации представителей „низших слоев“ большого города в условиях трансформации (на примере исследования блошиного рынка в Петербурге) (2002–2004)» и исследовательской школы «Кавказское приграничье: зона безопасности. Семинар и летняя школа (станция Кубанская, Краснодарский край, и Краснодар, 2–23 сентября 2002 г.)».

обнаруженная в станице общественная урна. Отчего-то управляться с мусором в непривычном социальном и культурном контексте оказалось очень сложно — сельская жизнь требовала несколько иных знаний и навыков... Этот опыт и подвел нас к идее исследования обыденных «мусорных» практик в городе и деревне. Мы полагаем, что сравнение ситуации с мусором в разных социальных контекстах поможет более явно увидеть и проанализировать не всегда заметные практики¹.

Анализ феномена мусора — одна из возможных исследовательских перспектив, объясняющих современный социальный порядок. В частности, как альтернатива уже признанной концепции «общества потребления» (например, [Бодрийар 2006]) появилась концепция «общества мусора», или «мусорного общества» ('rubbish society') [O'Brien 1999]. Актуальность этой концепции связывается с тем фактом, что «производство» мусора и практики совладания с ним есть универсальная и исторически перманентная сфера социальной активности. В настоящий момент они наделяются разнообразными смыслами, формируют диапазон социальных и экономических статусов, отражают социальные ценности и выстраивают социальные связи, вплетаясь в логику повседневности. Так же, как практики потребления материальных и духовных благ, они являются механизмом социального различения, специфика и многообразие «мусорных» практик отображают различие индивидов, домохозяйств, социальных групп и сообществ, различных стилей жизни.

Итак, в этой статье мы хотели бы проанализировать рутинные практики по «производству» и «управлению», совладанию с мусором, а также попытаться реконструировать социальное значение и смыслы, приписываемые мусору в разных социальных контекстах — в городе и деревне. Основными исследовательскими вопросами стали следующие. Как в принципе и насколько сильно отличаются сельские и городские практики по «производству» мусора и избавлению от него? Существует ли специфика мусора как социального феномена? Можем ли мы говорить о разных «мусорных сообществах» города и деревни?

¹ Здесь речь идет об обобщенных городских и сельских практиках. Безусловно, мы признаем социальную гетерогенность деревенских и городских сообществ и, соответственно, разнообразие и смешение мусорных практик. Тем не менее наши исследования позволяют в известной мере генерализировать наблюдения и в данном случае говорить о неких общих образах «города» и «деревни».

Отходы домохозяйств: мусор в частных пространствах деревенского дома и городской квартиры

Выносил я как-то мусорный бак. Замерз. Опрокинул его метра за три до помойки. Минут через пятнадцать к нам явился дворник. Устроил скандал. Выяснилось, что он по мусору легко устанавливает жильца и номер квартиры...

Сергей Довлатов. Соло на ундервуде

Превращение вещей и продуктов в отбросы происходит по мере их потребления, использования. Мусором становятся старые, ненужные, сломанные, немодные вещи и испорченные, недоеденные продукты и пр. Однако скорость превращения вещей в мусор¹ варьируется в зависимости от их функциональной нагрузки и символической ценности в различных контекстах.

Мусор деревенского домохозяйства. Процесс мусоропроизводства и практики обращения с мусором в деревенском доме во многом подчинены необходимости максимально использовать старые вещи и отходы в быту. Прежде всего это касается органического мусора, являющегося важным сырьем деревенского хозяйства. Органика, составляя довольно большую часть деревенских отходов, совершает своеобразный круговорот в орбите дома: помои относятся скоту, навоз идет на удобрение, сорняки — в мусорную яму на компост. В такой круговорот также включен деревянный и бумажный мусор. Например, обертки, упаковка пищевых продуктов и пр. сжигаются в печи. Таким образом, деревенское хозяйство отчасти замыкается само на себе: огонь домашнего очага, печки, давая жизнь — тепло и пищу, пожирает ненужное, умершее, отслужившее. Сортировка мусора, внедряемая сегодня в российских городах как заморское новшество и как решение «глобальных экологических проблем», для деревенского жителя является рациональным действием, естественным процессом, таким же естественным, как ведение хозяйства. Многие сельчане, с которыми нам доводилось беседовать в исследуемых деревнях, склонны вообще не

¹ В современной антропологии разрабатывается идея о том, что вещь — это не просто некий артефакт, но она, подобно человеку, проживает свою собственную жизнь. Исходя из этой перспективы для исследования материально-вещной среды, окружающей человека, применяется метафора биографии. Так, Игорь Копытофф пишет о том, что у каждой вещи есть своя биография, «карьера», разворачивающаяся в культурном и историческом контекстах социальных отношений. В частности, интерес представляют этапы «взросления» вещи, изменения ее использования с возрастом, переход в иные состояния после того, как ее пригодность исчерпана [Kopytoff 2003]. В рамках данного подхода мусорообразование является одним из этапов биографии вещи. На этой стадии либо происходит отказ от мусора, в который, в конечном итоге, превращается вещь, либо начинается качественно новый виток биографии, когда вещь, побывав мусором, вновь получает статус вещи. Оба этих процесса отчетливо видны в практиках, которые связаны с производством, сортировкой, хранением, использованием мусора и избавлением от него в городе и деревне.

воспринимать все вышеперечисленное как мусор. По их мнению, в доме практически нет мусора, есть лишь разной степени необходимости и актуальности вещи и предметы.

«Безотходность» деревенского хозяйства, кроме прочего, связана с неразвитостью сельской инфраструктуры и необходимостью восполнения товарного дефицита. Наблюдения показывают, что в деревенском контексте изъятые из употребления вещи активно используются в иных качествах. Сельские жители с упорством замедляют превращение вещей в мусор. Вот как комментирует свои взаимоотношения со старыми вещами одна из деревенских жительниц:

У меня ни одна тряпка зря никуда не уходит. Никуда! Если это платье старое, я из него фартук сделаю. Или матерчатую сумочку. Или — занавесочку. Или — мешочек для семян. Но это уже будет последнее, что можно сделать. <...> Или возьмешь старый шарф, обложишь его юбочной тканью — и получают красивые утепленные рукавички, ходить за дровами или в сарай. Или — что-то вроде следочков теплых можно сделать из шарфа для зимы — как такие теплые тапочки, мягкие. В общем, — все идет в дело! Безотходное производство... А уж последняя стадия — это тряпичные половички круглые. Это уже дальше некуда — дальше смерть вещества! [Виноградский 2002: 301].

Из приведенного отрывка видно, как женщина старается продлить жизнь вещей, превращая их, как фокусник, из одной в другую. Для нее категория «старый» означает не «использованный» или «ненужный», а лишь «готовый к выполнению новой функции в домохозяйстве», новую возможность. Речь идет не о новизне или старости вещи, а о ее полезности или бесполезности в быту.

«А из мягких выношенных полосок можно сделать кухонные прихваточки. И все это идет в работу! В дело!»; «А если тазик прогнил, то я вырезаю кружочек из фанерочки, вставляю, и получается емкость для сухого корма для птицы. Выбрасывается только то, из чего уже ничего нельзя сделать» [Там же: 302].

А сделать всегда что-нибудь можно. В крайнем случае, тряпку. Выражение «пустить на тряпки» применительно к старым вещам сегодня, возможно, известно и понятно уже далеко не каждому горожанину, так же, как мало кому из деревенских жителей придет в голову покупать в магазине салфетки для вытирания пыли, тряпку или губку для мытья посуды и полов. Промышленное производство ветоши и появление на прилавках городских магазинов разноцветных тряпочек, приучающих горожанина к «культурному» быту, неактуальны в сфере деревенского натурального хозяйства, которое поставляет тряпки в

виде «умерших», меняющих свою первоначальную функцию вещей.

В деревенском домохозяйстве за период между рождением и умиранием вещь проживает до десятка жизней, видоизменяясь, увеличиваясь или уменьшаясь, переключаясь из гардероба в огород, из огорода — на кухню и т.д. Недаром в деревенских условиях места хранения мусора рассеяны и распределены по всему домохозяйству и даже выходят за его пределы. Например, корзина со сжигаемыми отходами стоит рядом с печкой, ведро с помоями — на кухне, мусор «на вынос» — рядом с входной дверью, мусорная яма вырыта за огородами и т.д. Подобная дисперсность мест и разнообразие «контейнеров для хранения» мусора обусловлены сложной траекторией его дальнейшего использования в домохозяйстве. Удерживаясь на грани жизни и смерти, вещь постоянно возрождается на новом жизненном витке, тормозя неминуемое превращение в мусор. Многократная утилизация и максимально возможная эксплуатация вещи постепенно приводит к почти мистическому «распаду вещества», исчезновению в пределах деревенского домохозяйства.

Очевидно, описанные примеры иллюстрируют унаследованную из советского прошлого «культуру бедности», сформированную экономикой дефицита и являющуюся проявлением особого, бережливого отношения к вещам. В рамках подобного восприятия превращение вещей в мусор приравнивается к непростительной роскоши. Вещь, купленная однажды, практически всю жизнь сопровождает человека и его близких, «плотно» вписывается в их жизненные истории и даже наделяется собственной биографией. Старые вещи, идущие рядом по жизни, оцениваются как самые дорогие, которые «жалко выбрасывать» (см. подробно: [Гурова 2004; Орлова 2004]). Культурная инертность «мусорных» практик, не чувствительных к условиям общества потребления, подпитывается специфическим «практическим чувством» «предпринимателей из народа», умением видеть нужные вещи в груде мусора, придавая ему необходимую ценность. В мусорно-вещевой круговорот могут быть запущены не только вышедшие из употребления предметы собственного домашнего обихода, но и оказавшиеся ненужными, легкомысленно выброшенные прежними хозяевами. В одной из деревень Новгородской области, где мы проводили исследование, нам встретился человек, подрабатывающий починкой обуви односельчанам. На вопрос о том, где он берет материал для ремонта обуви, мастер искренне удивился: «Так на улицу выхожу, нахожу и подбираю!». Как пишет Мэри Дуглас, «то, что отвергнуто, вносится обратно для обновления жизни» [Дуглас 2000: 245]. Выброшенные деревенским жителем ненужные вещи, вероятнее всего, оседают не в одной само-

деятельной мастерской, благо, что значительное пространство деревенского домохозяйства позволяет пополнять и складировать «фонд вторсырья».

Мусор городской квартиры. Казалось бы, горожане гораздо быстрее и охотнее деревенских жителей избавляются от отходов. В мусорное ведро летят черствый хлеб и отслужившие свое батарейки для плеера, на помойку перекачываются рваные кроссовки и продавленное бабушкино кресло. Вместе с тем и в городских условиях выбрасывание старых вещей может быть приторможено. Притчей во языцех уже давно стали балконы или лоджии, антресоли и кладовки, забитые хламом, который десятилетиями может храниться в ожидании своего часа. Изъятые из употребления вещи складываются «на всякий случай», с надеждой на то, что они когда-нибудь будут востребованы. Однако практика показывает, что вероятность их использования в городе довольно мала. В условиях современного «общества потребления» старье в городской квартире ожидает лишь временное пристанище, и его вскоре потеснят новые вещи, которые, как правило, рассчитаны не на длительную эксплуатацию или сохранение «на потом», а на быстрое использование и стремительную замену более функциональными, технически модернизированными и/или стильными моделями. Исчезновение товарного дефицита и становление культуры консюмеризма значительно ослабили процессы накопительства, обновления и вторичного использования вышедших из употребления вещей. Лозунг советского времени «сделай сам», диктующий концепцию обустройства быта городской квартиры с помощью переделки старых/ненужных вещей, «отложенного мусора» и хозяйской смекалки¹, постепенно сменяется призывами «купить, попробовать, открыть для себя» новые дизайнерские находки.

Тесные городские жилища не выдерживают натиска новых вещей и постепенно освобождаются от старья, отправляя его на помойку. Избавление от хлама и ежедневно накапливаемого мусора является одним из императивов чистоты жилища. В то же время рутинизация практики регулярного выноса мусора создает ощущение его вечного присутствия, невозможности устранения. Циклический процесс накопления мусора и необходимости избавления от него — сюжет для избитых анекдотов про ленивого мужа, который до 1 мая не удосужился выбросить новогоднюю елку. Коль скоро мусор в городском жилище есть всегда, ему стараются отвести строго определенное место, при

¹ Современные исследователи предлагают в связи с этим называть советское общество «обществом ремонта» [Герасимова, Чуйкина 2004].

этом в отличие от «беззастенчивой» рациональности деревенского мусора его стараются спрятать, замаскировать.

В городской квартире место мусора обычно удалено из жилой зоны и помещается на кухню (редко в туалет). Мусорное ведро точно локализовано в «сгущенном» пространстве квартиры. Оно плотно закрыто, сокрыто не только от «постороннего взгляда», но и от взоров самих обитателей квартиры. Одноразовые мусорные мешочки обеспечивают дополнительную изоляцию мусора, защищая от загрязнения даже само мусорное ведро, изначальная функция которого и связана с этим загрязнением.

Покидая «уютное» чрево ведра, мусор городской квартиры по пищеводу мусоропровода или же напрямую попадает на дворовую помойку. В момент перемещения мусора на помойку он пока еще является частью нашей жизни и личности. Распространенная ныне практика использовать непрозрачные пакеты для мусора, помимо гигиенической функции, выполняет еще и задачу сохранения некоей анонимности «хозяина отходов». Уже позже, когда наш пакет смешался с остальными, происходит дистанцирование и отчуждение от него, мусор становится «ничьим» или «общественным».

«Общественный» мусор

Что я особенно ценю в нашей свалке, и чем дальше, тем больше, так это ее изменчивость: она как живой растущий организм, исполинская амеба, распространяющая свои ложноножки во все стороны, заглатывая чистую землю и городской мусор.

Иэн Бэнкс. Осиная фабрика

Мусор города. В одном из клипов российской рок-певицы Юлии Чичериной героиня совершает променад, вышагивая среди мусорных развалов городских улиц. Замусоренное пространство представлено не как отвратительный город Зюскинда. Напротив, оно наполнено определенным эстетическим содержанием. По уличному асфальту, устланному мусором, можно совершать вполне романтическую прогулку. Собственно, это тот самый город, в котором и протекает наша жизнь...

«Общественный» мусор — это не только мусор, перекочевавший из частных пространств на помойки близ дома, но и мусор так называемых общественных мест. Причем здесь он «производится» не менее, а возможно, даже более активно. Не попавший по разным причинам в специальные места хранения или выпавший во время транспортировки (все мы не раз на-

блюдали, как живописно место помойки после отъезда мусоровоза) мусор становится частью городского ландшафта. Однако «война» с мусором идет постоянно, с ним пытаются «бороться», аккумулируя в определенных — скрытых и/или удаленных — местах. Мусор помоек с разной степенью успешности прячется под крышкой контейнера, стоящего за бетонной или кирпичной стеночкой — подобием ширмы, скрывающей нечто постыдное, грязное, неприятное глазу, неприличное и оттого сокровенное. Общественный мусор густонаселенных публичных пространств удаляется в урны и безвозвратно исчезает благодаря постоянной работе целой армии профессионалов.

Уличные урны предназначены для стихийного мусора, произведенного «здесь и сейчас», от которого и следует избавляться немедленно. Урны — привычная часть пейзажа центральных и туристических районов, парков и скверов, остановок и магазинов и пр. Это места мусора в пространстве скопления людей — местах ожидания или прогулочного времяпрепровождения, беспечного досуга и туристской беззаботности. Можно сказать, что такие публичные пространства маркированы чередой урн, которые не просто сопровождают, но и формируют сам маршрут, «ведут за собой». Наличие урн — признак «культурности» места, маркер городского пространства в отличие от «некультурной деревни»:

Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ём гуляю — и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь — там, за печкою —
Потому — ты темнота некультурная

[Высоцкий 1999: 137–138].

При этом урны практически отсутствуют на улицах спальных районов. Там «культурно оформленные» места мусора (урны) не составляют единую связную цепочку, но точно локализованы в местах наибольшей концентрации людей.

Итак, в публичных местах урны являют собой места «обузданного» и упорядоченного общественного мусора. Очевидно, аккумулирование мусора, удаление его из зоны видимости и сокрытие в определенных местах — это попытка сделать мусор более управляемым и безопасным. Место мусора, заключая отходы в жесткие рамки, заведомо определяет окружающую территорию как чистую, презентабельную. И свидетельство тому — эстетизация любых мусоросборников, будь то общественная урна или же офисная корзина для бумаг, мусорное ведро или пепельница. Красиво оформленные и вписанные в интерьер или ландшафт, они словно скрадывают своим видом уродство и омерзительность содержимого. Более того, зачастую они

лишь означающие чистоты, но отнюдь не функциональные вещи, когда эстетика урны более важна, нежели ее прагматика¹.

Пожалуй, и еще об одном моменте стоит упомянуть. Мусор — один из перманентных городских работодателей. Благодаря ему из реестра профессий никогда не исчезнут уборщики, дворники, чистильщики мусоропроводов, водители мусоровозов и поливальных машин и пр. Этой огромной армии профессионалов — борцов с мусором — городское сообщество делегирует функцию поддержания чистоты, ограничивая свою активность походами от квартиры до мусоропровода или помойки. Кроме того, мусор становится «достоянием», средством к существованию бедных, нищих, бомжей², которые, переопределяя значение и символические смыслы мусора, фактически превращают его в товар. Картон, бутылки, банки, тряпки: мусорщики-профессионалы до тонкостей знают, какие отходы годятся для дальнейшего употребления, где выгоднее сдать или продать.

Деревенский мусор. Как бы рационально ни было устроено деревенское хозяйство, поглощающее большую часть собственных отходов, темпы «производства» мусора опережают темпы его «потребления». «Перепроизводству» мусора также способствует появление в деревне новых, возможно, еще не освоенных видов отходов. Например, в мусорной яме в одной из исследуемых деревень в Новгородской области откровенно преобладали пластиковые бутылки из-под пива и лимонада.

Так или иначе, часть невостребованных отходов и отслуживших свое вещей все же покидают пределы подворья. Организованные и санкционированные места мусора в деревне не замаскированы, не прячутся стыдливо за ширмочку, как в городе. Они явные, практически выставлены на всеобщее обозрение, возможно для того, чтобы быть более доступными. Например, в упомянутой выше деревне существуют три организованных, санкционированных места мусора. Мусорная яма, предназначенная для жителей единственной в деревне двухэтажки, расположена во дворе этого дома. Импровизированные урны — ведра — стоят лишь у входов в два сельских магазина. А единственный общественный мусорный контейнер расположен близ центра селения, у тех же магазинов, но уже позади них. Таким образом, все эти места мусора сконцентрированы в одном месте. Темный или непрозрачный пакет, делающий «частный» мусор на городской общественной помойке практически невиди-

¹ Например, стоит упомянуть исследование китайских городских урн, которые сделаны таким образом, что практически воспользоваться ими очень сложно [Алимов 2002: 80–81].

² См., например, исследование З. Соловьевой [Соловьева 2001].

мым, в деревне используется лишь как многоцветная тара для его транспортировки.

Выбрасывание мусора в контейнер в деревенских условиях является, скорее, исключением. Во-первых, в нашем случае, одного контейнера для более чем ста тридцати хозяйств явно недостаточно, тем более что вывозится он крайне редко. За время нашего исследования, в течение пары летних месяцев, контейнер так и простоял нетронутым. При этом он был весьма живописно переполненным, и, как нам казалось, все это время общее количество мусора в нем ничуть не менялось. Во-вторых, привычные для горожанина походы от квартиры до мусоропровода или помойки не являются такой же обычной практикой для сельского жителя. Согласно нашим наблюдениям, специальные «мусорные рейды» исключительно с целью отнести мусор на помойку происходят нечасто, так как требуют больших временных затрат и усилий. Несмотря на центральное местоположение деревенской помойки, основные пути проложены вне ее, и отчего-то не получается воспользоваться специальным мусороприемником «походя», «между делом», как это часто и беспрепятственно делают горожане. Дефицит организованных мест мусора порождает большое количество стихийных, неорганизованных свалок, которые отличает удобство их расположения на территории деревни или близ нее.

Обычно стихийные свалки возникают на окраине, ближе к лесу и полю, на пустырях, т.е. фактически уже на границе поселения и на «ничейной» территории, однако встречаются неформальные, неорганизованные свалки и в обитаемом пространстве деревни. Одна из деревенских жительниц советовала нам: «Да что вы мучаетесь с мусором, отнесли бы в лес. Там увидите, там все бросают!» (жен., 62 года). В другом случае девочка-второклассница просто проводила нас к зарослям крапивы у неживленной улицы, которые поглотили наш пакетик с мусором, далеко не первый здесь, словно брошенный в реку камень. Очевидно, что места таких стихийных свалок известны даже детям, и они не менее легитимны, чем формально организованные. Такие мусорные кучи, прекрасно вписанные в природный ландшафт, множатся и разрастаются.

Вместе с тем даже самая искусная маскировка не решает проблемы «ничейного» мусора. И если горожане имеют возможность делегировать вопросы, связанные с организацией и регулярным обслуживанием помоек и свалок (даже несанкционированных), службам ЖКХ, то для сельчан в ситуации «дефицита власти», когда государство практически ушло из деревни, а рынок с его возможностями еще не возник, вывоз мусора из деревни является преимущественно «частной» проблемой. Бы-

товой мусор деревенского домохозяйства принадлежит только его создателю, и он сам справляется с отходами. Деревенский житель — сам себе дворник и сам себе мусорщик, распоряжающийся собственным мусором самостоятельно. Проблема с «общественным» мусором решается за счет коллективной мобилизации. В нашем случае необходимость очищения мусорной ямы, расположенной в непосредственной близости «двухэтажки», заставляет жильцов кооперироваться. На совместно собранные деньги из соседнего города вызывается машина, которую жители домов сами вынуждены загружать накопившимся мусором [Богданова 2006: 359]. Такие более или менее регулярные акции позволяют сельчанам считать свою деревню чистой, в отличие от соседской, где «мусор валяется прямо во дворах» (жен., около 50 лет).

«Запаздывающая модернизация» «грязной» деревни? (вместо заключения)

Описанные выше отличия практик по «производству» мусора, очевидно, вызваны разными режимами отношения к вещам, которые, в свою очередь, формируются различными типами обществ. В. Голофаст выделяет три режима отношений с вещной средой [Голофаст 2000]. По его мнению, в традиционном и раннеиндустриальном обществе вещи были дефицитом, и именно поэтому они являлись несомненной ценностью и сопровождали человека в течение всей его жизни. Люди приспосабливались к каждой вещи, и оттого вещь становилась «частью личности, привычным условием образа жизни, идентичности» [Там же: 59]. Общество модерна задает уже другие условия и правила взаимоотношений с вещами. Люди и вещи становятся партнерами по социальному взаимодействию или, по определению Е. Деготь, «товарищами» [Деготь 2000]. Вещь уже не имеет той символической ценности, каковую имела раньше. Она превращается в функциональный компонент рутинной деятельности. Такие изменения связываются с тем, что производство вещей становится индустриальным, стандартизованным процессом. В ситуации позднего модерна или постмодерна параллельно идут два процесса, определяющие характер отношений людей и вещей — массовое стандартизированное производство, где основной ценностью является принцип заменяемости, и производство товаров-люкс, ценность которых в их эксклюзивности [Голофаст 2000: 60–61].

В рамках этой аналитической перспективы сам собой напрашивается вывод о том, что деревня все еще находится в условиях модерна, когда вещь следует приспособить под свои нужды, максимально используя всевозможные ее практические свойства. Подобное отношение к вещам затормаживает процесс му-

соропроизводства, минимизирует его. Город же оказывается более приближен к ситуации постмодерна, и мусор здесь «производится» гораздо легче, от него проще избавляются, а если это невозможно, то пытаются удалить из поля зрения. В данном случае можно сделать предположение о «запаздывающей модернизации» деревни, которая движется вслед за городом, но несколько отстает на этом пути. Согласно логике этой объяснительной схемы, деревня и город представляют собой разные «мусорные сообщества», но при этом они развиваются примерно в одном направлении. Однако, мы полагаем, данная концепция не слишком эвристична и не вполне объясняет различия «мусорных» практик.

А. Левинсон пишет, что феномен мусора конституируют две базовые дихотомии «чистое» — «нечистое» и «нужное» — «ненужное»: «сор, мусор, отбросы — слова для обозначения предметов, которые в ходе быта перемещаются из сферы чистого, в сферу нечистого, при этом безвозвратно. <...> Есть более поздняя дихотомия „нужное“ — „ненужное“. Старье, отходы — слова до поры до времени почти синонимичные обозначениям „нечистого“» [Левинсон 2004: 261–262]. Развивая данную перспективу, можно выдвинуть тезис о том, что феномен мусора в городе и феномен мусора в деревне конституируются по разным основаниям. Стремление в городе «обуздать» мусор, скрыть его и сделать более податливым и управляемым — это некие попытки обезопасить себя. Здесь мусор зачастую интерпретируется как опасность и зло, то, что следует скрывать и от чего необходимо избавляться. Создание выделенных, четко отграниченных мест мусора — это, по сути, есть отделение «чистого» от «грязного» (буквально и символически). Таким образом, феномен городского мусора создается с привлечением дихотомии «чистое» — «нечистое». Более того, городской мусор наделяется особым статусом, он играет роль некоего маркера социального порядка и социальных трансформаций. Так, согласно исследованиям Ю. Симпуры и Г. Еремичевой, *грязь* в городе, в данном случае более понимаемая как замусоренность, для петербуржцев в 1993 г. стала важнейшей социальной проблемой и интерпретировалась как нарушение общественного порядка и даже как символ разрушающегося общественного строя [Симпура, Еремичева 1995: 188].

В деревне при «производстве» мусора как социального феномена оказывается актуальной иная дихотомия. Мусор отсортировывается исходя из долгосрочной перспективы, в зависимости от того, «нужен» он или нет. При этом здесь не наблюдается попытки спрятать его, отгородиться. Он совершенно открыт для обозрения и даже пользования. Такая беззастенчивость, по сути, демонстрирует его безопасность — мусор не страшен, и

оттого он не вызывает желания с ним бороться. В случае деревенского мусора категория «нечистый» оказывается не слишком актуальной. Кроме того, в деревне мусор не наделяется столь значимыми социальными смыслами, как в городе, он отнюдь не маркер социального порядка. Мусор больше вписан в окружающий ландшафт, он как бы сливается с природой. И стихийные мусорные свалки сродни руинам Зиммеля, когда «силы природы начинают господствовать над созданием рук человеческих: равенство между природой и духом <...> сдвигается в пользу природы» [Зиммель 1996: 227].

Наконец, отличия феноменов мусора в городе и деревне, пожалуй, хорошо иллюстрируют ставшие устойчивыми выражения «замусоренный город» и «грязная деревня». И если в отношении города зачастую говорят, что он грязный, то в отношении деревни редко скажут, что она замусорена. Она именно грязная, ибо под грязью понимается не только мусор и нечистоты, но и природные, до сих пор органичные и естественные для наших деревень «размякшая от воды почва, слякоть» [Современный толковый словарь 2001: 145].

Итак, в заключение статьи вернемся к нашему исследовательскому вопросу — можем ли мы говорить о разных мусорных сообществах города и деревни. Пожалуй, да, ибо выделенные нами различия «мусорных» практик для жителей деревни и горожан в данном исследовании очевидны. Однако акцент хочется сделать не только и не столько на различиях в стилях жизни или идентичностях, что нам предлагает концепция «мусорных сообществ». Представляется важным факт, что феномены городского и сельского мусора конституируются на разных основаниях, и оттого мусор наделяется разными социальными смыслами и вызывает столь разное к себе отношение.

Библиография

- Алимов И.* Китай: туалеты и урны. Полевые заметки. Урны // Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира. СПб., 2002. С. 78–84.
- Богданова Е.* Антропология деревенской двухэтажки, или к вопросу о неудавшихся проектах власти // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки 2005 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. Вып. 5. С. 351–366.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006.
- Виноградский В.* «Орудия слабых»: экономика крестьянской повседневности // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Дж. Скотта и др. М., 2002. С. 294–314.
- Волков В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические чтения. 1997. Вып. 2. С. 27–49.

- Высоцкий В.* «Не пиши мне про любовь: не поверю я» // Высоцкий В. Песни. Екатеринбург, 1999. Т. 1. С. 137–138.
- Герасимова К., Чуйкина С.* Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 34. С. 70–77.
- Гладарев Б.* Стратификационная модель общества потребления (интерпретируя Бруно Латура и Жана Бодрийара) // Беспредельная социология: Перегрузка. Сборник эссе / Под ред. Н. Нартовой, О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб., 2006. С. 97–114.
- Голофаст В.* Люди и Вещи // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 58–65.
- Деготь Е.* От товара к товарищу: к эстетике нерыночного предмета // Логос. 2000. № 5–6 <www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_04.htm, on-line 10.09.2006>.
- Гурова О.* Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 34. С. 78–83.
- Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
- Зиммель Г.* Руина // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 227–223.
- Кулиев Г.* Архитипичные азери: лики менталитета. Баку, 2002.
- Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 34. С. 5–19.
- Левинсон А.* Неклассические формы. О макулатуре // Опыт социологии: статьи. М., 2004. С. 261–270.
- Орлова Г.* Апология странной вещи: «Маленькие хитрости» советского человека // Неприкосновенный запас. 2004. № 34. С. 84–90.
- Симпура Ю., Еремичева Г.* Грязь: символические и практические изменения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. 1995. № 2. С. 78–84.
- Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
- Соловьева З.* Обитатели «Ночлежки» и других благотворительных организаций в перспективе социологии повседневности // Воронков В., Паченков О., Чикадзе Е. (ред.) Невидимые грани социальной реальности. Тр. ЦНСИ. СПб., 2001. № 9. С. 25–36.
- Коруттофф I.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspectives / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 2003. P. 64–91.
- O'Brien M.* Rubbish Power: Towards a Sociology of the Rubbish Society // Consuming Cultures: Power and Resistance / Ed. by J. Hearn and S. Roseneil. Basingstoke, 1999. P. 47–60.